

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА. ЧАСТЬ 2

Я продолжаю публиковать для вас воспоминания людей, служивших в органах военной прокуратуры РККА в годы войны на прокурорско-следственных должностях, которые мне любезно предоставили коллеги из Главной военной прокуратуры. Здесь я вам хочу предложить материал, составленный по воспоминаниям о первых месяцах войны полковника юстиции ФЁДОРОВА П.М.

Я считаю этот рассказ ФЁДОРОВА едва ли не самым интересным в плане изложения будней военной прокуратуры низового звена – дивизионно-бригадного. Рассказ насыщен живыми примерами из жизни и позволяет понять смысл работы военной прокуратуры в войсках действующей армии.

Биографическая справка.

ФЁДОРОВ Пётр Михайлович. Полковник юстиции в отставке. 22 сентября 1911 года рождения, уроженец станицы Берёзовый Гай Куйбышевской области. В РККА с декабря 1939 года. участник советско-финской войны. В годы Великой отечественной войны – проходил военную службу на прокурорско-следственных должностях. Последняя должность на фронте – военный прокурор 70-й стрелковой дивизии (1-й Прибалтийский, впоследствии – 3-й Белорусский фронты). Кавалер 2-х орденов Красной Звезды, 4-х орденов Отечественной Войны 2-й степени, многих медалей. Заслуженный юрист РСФСР, Почётный работник прокуратуры Российской

Федерации. С апреля 1950 года по апрель 1969 года проходил военную службу в Главной военной прокуратуре в должности военного прокурора отдела общего надзора, затем – организационно-контрольного отдела. Уволен в запас по состоянию здоровья в возрасте 57 лет.

ФЁДОРОВ П.М.

Воспоминания ФЁДОРОВА, как и любой мемуарный материал на этом ресурсе, даётся мною без каких-либо купюр, сокращений и изменений, от первого лица.

«После окончания 1-го курса Военно-юридической академии Красной Армии в июне 1941 года я должен был убыть в каникулярный отпуск. Однако, начавшаяся война спутала все личные планы. Всех слушателей 2-го курса Академии, и меня в том числе, зачислили в резерв Главной военной прокуратуры Красной Армии.

23 июня в отделе кадров ГВП КА мне вручили предписание, и я убыл в Новосибирск в распоряжение военного прокурора округа с последующим назначением на должность военного прокурора формируемой 45-й отдельной стрелковой бригады.

45-я бригада формировалась с октября 1941 года в городе Кемерово на базе Кемеровского военного пехотного училища. С мая по сентябрь 1941 года училище располагалось близ станции Юрга Новосибирской (ныне Кемеровской) области. Из курсантов и кадровых военнослужащих было сформировано организационное ядро стрелковой бригады. Курсантам досрочно присвоили звания лейтенантов и назначили командирами стрелковых взводов, пулемётных команд и командирами батарей. В состав бригады входило три отдельных стрелковых батальона два артиллерийских, два миномётных дивизиона и отдельные роты: танковая,

разведывательная, автоматчиков, противотанковых ружей, сапёрная и автотранспортная, а также подразделения обеспечения и обслуживания. На вооружении состояло: тридцать 76-ти мм и 45-ти мм пушек, пятьдесят 120-ти мм и 82-х мм миномётов, двадцать танков КВ, Т-34 и БТ-7, сорок противотанковых ружей ПТР, сорок пять станковых и восемьдесят ручных пулемётов. Стрелковые роты насчитывали в среднем по 140 человек. Всего в бригаде имелось 4500 человек. Бригаде была поставлена задача защищать Москву.

По штату военного времени в военной прокуратуре у меня в подчинении был один военный следователь и один секретарь – оба мобилизованные из запаса военнослужащие-сибиряки. В последних числах декабря нас погрузили в воинские эшелоны.

Во время следования по железной дороге наши эшелоны неоднократно попадали под бомбёжки. Чем ближе был фронт, тем чаще налетали вражеские самолёты. Приходилось делать остановки. На станциях мы жадно ловили сообщения Совинформбюро об обстановке на фронтах.

Сообщалось, что с 6 декабря 1941 года, когда враг был уже истощён в наступлении, истратил свои силы, войска Западного фронта под командованием Г. К. Жукова обрушились на немцев, на их ударные группировки севернее и южнее столицы. Контрнаступление развернулось в полосе 1000 километров, от Калинина до Ельца. Немецкий фронт затрещал и попятился под натиском наших войск, враг отходил, бросая тяжёлое вооружение и технику. Но были сведения и об оставленных всё новых городах и отступлении наших войск на других участках фронта, что отнюдь не радовало.

Навстречу шли санитарные поезда с ранеными, следующими в тыловые госпитали. Мы свято верили в правоту нашего дела и добросовестно выполняли свою работу. В пути я и мои подчинённые проводили правовую пропаганду и расследовали несколько уголовных дел о самовольных отлучках и дезертирстве. Военная прокуратура в эшелоне располагалась в штабном вагоне-теплушке.

Привезли под самый Новый год на прифронтовую станцию Пено Калининской области, а оттуда после выгрузки направили пешим маршем в район Холма к месту сосредоточения, где стали готовиться к контрнаступлению. Бригада вошла в состав 3-й ударной армии Западного фронта. Я соответственно, стал подчиняться военному прокурору этой армии. Основным местонахождением меня, как военного прокурора, был командный пункт (КП) бригады во втором эшелоне.

Силами 3-й и 4-й ударных армий в то время были нанесены мощные удары на торопецко-холмском направлении с целью разгрома ржевско-вяземской группировки противника. К началу января 1942 года Западный и смежные фронты отбросили врага от столицы на 100-250 километров. Непосредственная угроза Москве была ликвидирована. Только 20-го апреля Ставка приказала перейти к обороне. Группа армий «Центр» немцев оказалась глубоко охваченной с двух сторон. Это дало возможность в последствии возобновить наступление на запад с выгодных для нас позиций. В тылу оккупантов возникли обширные партизанские районы.

В тяжёлые бои бригаду поначалу не вводили, а потому больших потерь она не имела. Пройдя с боями около 200 километров и освободив немало деревень, бригада заняла позицию под Холмом в междуречье рек Ловать и Кунья, в окрестностях деревень Дубровино и Земки. Здесь в феврале-марте 1942 года шли очень тяжёлые бои с противником при перевесе сил врага, налётах авиации, нехватки боеприпасов, плохом продовольственном снабжении. За эти месяцы бригада потеряла 70 процентов личного состава.

Суровые условия зимы 1941-1942 годов, жизнь в холодных землянках, снежная пурга, осложняли нелёгкие фронтовые будни. Частые бомбёжки и артобстрелы, отсутствие постоянного транспорта на передовой требовали от военных прокуроров и следователей выдержки, находчивости, исключительной оперативности, умения поддерживать деловые отношения с командованием обслуживаемых соединений и частей.

Для своевременного прибытия к месту происшествия или совершённого преступления приходилось использовать попутный гужевой транспорт, часто автомашины, гружёные боеприпасами, танки, бронетранспортёры и мотоциклы. Многие следственные действия выполнялись в пешем строю на марше при передислокации подразделений, так как свидетелей или потерпевших могло ранить или убить в очередном бою.

При этом активно проводились и общенадзорные мероприятия.

Например, в начале 1942 года на одном из участков обороны бригады, которая вела напряжённые бои с противником, в отдельных подразделениях появились случаи самовольного оставления поля боя и дезертирства с переднего края.

Организовав, наряду с расследованием этих фактов, прокурорскую проверку и изучение причин возникновения побегов и дезертирства, мне удалось вскрыть серьёзные нарушения и недочёты на передовой линии, а также в работе руководителей службы снабжения. Командиры отдельных взводов и рот плохо организовали несение службы на переднем крае, отстранились от бойцов, в боевое охранение назначали одних и тех же красноармейцев, которые находились на посту по несколько дней без смены. Никакой воспитательной работы среди личного состава не велось.

Начальник продовольственной службы и помощник командира батальона по материальному обеспечению не проявляли заботы о бойцах. Некоторые из них не были обеспечены тёплым обмундированием, валенками. Отдельные бойцы, не смотря на сильные морозы, ходили в пилютках в то время, как на складе бригады хранились шапки. Пища доставлялась в холодном, часто – в замороженном состоянии и крайне нерегулярно. Были случаи, когда бойцы боевого охранения в течение суток стояли на постах голодными. Появились случаи обморожения рук, ног, ушей.

Эти перечисленные выше безобразия привели к тому, что личный состав бригады начал роптать, проявлять недовольство. Часть бойцов самовольно уходила с переднего края с целью помывки в бане, отдыха, получения

обмундирования или горячей пищи. Часть из них, пользуясь случаем – дезертировала.

По результатам проверки в отношении начальника продснабжения было возбуждено уголовное дело, и он был осужден судом военного трибунала. Помощник командира батальона был понижен в звании и от занимаемой должности отстранён. Командир роты и командир взвода также были наказаны. В подразделениях был наведён необходимый уставный порядок.

Я выступил на совещании работников снабжения батальонов с информацией по этому делу. Командир бригады потребовал от них решительной перестройки работы службы снабжения. Вмешательство военной прокуратуры дало положительные результаты, личный состав подразделений был немедленно обеспечен тёплым обмундированием, улучшилось обслуживание бойцов питанием и предметами бытового обихода. Случаи обморожения, отрицательных настроений и дезертирства в бригаде прекратились.

Серьёзной причиной, способствовавшей возникновению дезертирства, являлись недочёты в учёте личного состава в подразделениях.

В 1941 году рядовой состав не имел красноармейских книжек. У многих призванных не были изъяты паспорта и иные личные документы. Отдельные командиры подразделений и частей нередко допускали существенное нарушение руководящих документов об учёте личного состава. Всё это затрудняло борьбу с дезертирством. В некоторых батальонах, например, допускались такие факты, когда командиры прибывавшее к ним пополнение без предварительной обработки и без составления поимённых списков сразу же направляли в бой. Во время боя часть пополнения самовольно покидала поле боя и уходила в тыл. Некоторые бойцы – дезертировали. Причём, отсутствие поимённых списков личного состава вновь прибывшего пополнения не позволяло установить, кто же именно дезертировал.

Положительным методом борьбы с дезертирством являлась организация службы заграждения. Мне порой приходилось добиваться у командования организации розыска и задержания дезертиров путём создания заградительных отрядов и координации их деятельности с мероприятиями военной контрразведки и военной прокуратуры бригады. Всё это обеспечивало успешную борьбу с дезертирством и вело к неуклонному сокращению этого отрицательного явления.

Обобщённые факты о недочётах в учёте личного состава явились основанием для постановления военными прокурорами перед высшими военными инстанциями. В результате 17 декабря 1942 года Народным комиссаром обороны СССР был издан Приказ за № 952 «О порядке выдачи и заполнении красноармейских книжек». Повседневный надзор за точным исполнением этого приказа способствовал значительному улучшению учёта личного состава и устранению возможностей и условий для дезертирства.

Иногда мне приходилось сталкиваться в своей работе с такими фактами, когда преступное отношение отдельных работников снабжения к своему служебному долгу влекло за собой срыв своевременной доставки боеприпасов.

В феврале 1942 года части нашей бригады, отразив натиск противника, выбили его из населённого пункта, однако во время контратаки противника вынуждены были оставить населённый пункт с большими потерями в живой силе и технике.

Я в это время находился в боевых порядках одного из батальонов и узнал, что наши части не могли закрепить успех и отошли ввиду того, что в подразделениях не оказалось снарядов и противотанковых ружей, а часть артиллерии из-за отсутствия горючего, не смогла перейти на новые огневые позиции и поддерживать огнём пехоту.

Собрав на месте необходимые сведения и опросив нескольких бойцов и командиров, я, взяв с собой военного следователя, прибыл в расположение тыла бригады. Ознакомившись с обстановкой и с организацией снабжения, установил, что заместитель командира бригады по тылу самоустранился от руководства службой снабжения, доставку вооружения и боеприпасов в части не организовал, боеприпасы и горючее были сосредоточены во многих пунктах в тылу, далеко от расположения бригады. В момент прибытия к нему представителей батальонов за боеприпасами и горючим, он пьянствовал вместе с начальником службы ГСМ и заявил представителям батальонов, чтобы они «приезжали на следующий день». Но накануне вечером противник выбил наши части из населённого пункта.

Я незамедлительно возбудил в отношении заместителя командира бригады по тылу и начальника службы ГСМ уголовные дела. Подчинённый мне военный следователь в тот же день окончил оба дела расследованием. На другой день была получена санкция на предание обоим суду военного трибунала. Оба были осуждены военным трибуналом. Заседание происходило в присутствии командиров и начальников служб снабжения частей.

Одновременно мною было направлено командиру бригады представление о вскрытых безобразиях в работе служб тыла. Командованием были приняты меры к наведению уставного порядка и к перестройке работы снабженческого аппарата.

Немалое место у меня, как у военного прокурора, занимал надзор за исполнением законодательства о соблюдении штатной дисциплины. На практике довольно часто встречались случаи, когда в частях безо всякой к тому надобности создавались сверхштатные подразделения. Всё это делалось за счёт прикомандирования личного состава боевых подразделений, в ущерб боеспособности последних.

В феврале 1942 года, знакомясь со штатной численностью одного из батальонов, обнаружил, что в батальоне отсутствуют налицо значащиеся по списку личного состава: несколько автоматчиков, три разведчика и четыре шофёра с двумя автомобилями. Кроме этого, в составе поступившего пополнения в батальон не прибыло согласно списку несколько военнослужащих. Оказалось, что все указанные лица были «прикомандированы» к управлению бригады.

По моему настоянию была организована проверка соблюдения штатной дисциплины в частях бригады. В результате было установлено, что из всех частей бригады было изъято большое количество людей, причём наиболее необходимых для передовых подразделений: разведчиков, автоматчиков, снайперов, а также

шофёров с несколькими автомобилями. Указанные лица оказались «прикомандированными» к различным отделам и службам тыла в качестве писарей, кладовщиков, ординарцев и так далее. Несколько человек были и вовсе «откомандированы» в распоряжение начальника службы тыла армии.

В своём представлении на имя командира бригады я поставил вопрос о незамедлительном возвращении в строй всех прикомандированных и о строгом наказании виновных в подобном. О незаконном распоряжении начальника службы тыла армии я доложил военному прокурору армии. Вскоре все указанные военнослужащие были возвращены в свои подразделения. Такого рода мероприятия оказывали большую помощь командованию частей и подразделений в укомплектовании боевых порядков и усилении их боеспособности.

Личным составом военной прокуратуры проводилась также большая работа по борьбе с нарушителями приказов народного комиссара обороны СССР о своевременной эвакуации раненых с поля боя, оказании медицинской помощи бойцам, а также о погребении.

В известной связи с этим находились мероприятия по надзору за исполнением законодательства об учёте безвозвратных потерь и высылки семьям извещений о погибших в боях и пропавших без вести военнослужащих.

Нарушения соответствующих приказов со стороны командиров частей и со стороны отделения кадров штаба бригады были нередкими и являлись, как правило, следствием халатности его работников.

О таких нарушениях я узнавал во время изучения состояния учёта безвозвратных потерь и при проверке и разрешении жалоб членов семей или родственников военнослужащего – о розыске, о назначении пенсии и так далее.

В апреле 1942 года отделением кадров штаба бригады родственникам были высланы извещения на нескольких военнослужащих, которые якобы погибли в боях с противником. Ряду семей этих военнослужащих была назначена пенсия, которую они получали довольно длительное время. При проверке поступивших от членов семей заявлений было установлено, что часть из указанных военнослужащих по причине тяжёлого ранения была эвакуирована в тыловые госпитали страны на излечение, а командование включило их в списки погибших, о чём и уведомили родственников этих военнослужащих.

В своих представлениях по этим вопросам я указывал на необходимость привлечения недобросовестных работников учёта и путаников к строгой дисциплинарной ответственности, на необходимость решительного устранения недочётов в учёте личного состава и установления систематического контроля за правильностью и своевременностью учёта и высылки надлежащих извещений семьям действительно погибших и пропавших без вести.

Несколько слов о следствии. Условия следственной работы в период войны были чрезвычайно сложны и существенно отличались от условий мирного времени.

Часто изменявшаяся боевая обстановка, подвижность войск, характер отрицательных явлений создавали особые трудности в расследовании преступлений. Тем не менее, никаких скидок на эти трудности не давалось. Мы просто не могли себе этого позволить. Наоборот, к следственной работе во время войны предъявлялись более повышенные требования.

Сейчас порой приходится слышать о том, что якобы во время войны предварительное следствие проводилось наспех, необъективно, и что уголовные дела без достаточных на то оснований и доказательств передавались в военные трибуналы для рассмотрения их по существу. Хочу решительно сказать, что такие «суждения» позволяют себе или злопыхатели, клеветники, или же – люди, совершенно не знающие требований закона. Прокурорский надзор за точным исполнением уголовно-процессуальных норм и во время войны был тщательным, материалы предварительного следствия в ходе судебного рассмотрения проверялись внимательно и объективно. Мера наказания, конечно, по меркам сегодняшнего, мирного времени была очень суровой и жёсткой. Однако, в то время этого требовало действующее законодательство военного времени. Шла война и нам было не до миндальничанья. Нашей задачей было неукоснительное исполнение требований закона и контроль за его исполнением со стороны военнослужащих.

Крайне строгой была и ответственность самих военных следователей и военных прокуроров за нарушение законодательных норм. За грубые нарушения закона военные следователи и военные прокуроры отчислялись из органов военной прокуратуры в линейные части на строевые должности, а иногда – предавались суду военного трибунала.

Особые условия боевых действий требовали от следователей исключительной оперативности, так как воинские части часто производили передислокации, передавались в подчинение в другие соединения, вели наступательные боевые действия, выполняли отходы, маневрировали по фронту. Были случаи (и довольно много), когда важные свидетели по делу погибали, убывали в госпитали, в другие части, следы преступления не сохранялись. Всё это крайне осложняло работу личного состава военных прокуратур.

В настоящее время кажется совершенно невозможным, как военные следователи успевали своевременно попадать на место происшествия, как успевали допрашивать свидетелей на марше, на передовой между боями, в перерывах между артобстрелами и при этом строго выполнять нормы закона. Нередко приходилось заканчивать следствие во время передвижения на автомашинах из одной части в другую.

Исключительно оперативными были сроки следствия о самовольных отлучках, самовольном оставлении поля боя, дезертирстве, членовредительстве, о неповиновении и так далее, которые заканчивались и передавались в военный трибунал в трёхдневный срок.

Такие дела, как злоупотребление и превышение власти, отступление от данных для боя распоряжений, неисполнение приказов, разглашение военной тайны и другие, по которым требовалось проведение соответствующих экспертиз,

заканчивались в более длительные сроки. По таким сложным делам военными прокурорами армий иногда создавались оперативно-следственные группы, и следователи одновременно работали в нескольких местах на передовой и в тылу, часто не только днём, но и ночью.

Мне вспоминается уголовное дело в отношении командира танковой роты, который при атаке танков противника в оборонительном бою оставил без поддержки два батальона нашей пехоты и самовольно покинул поле боя, что вызвало серьёзные потери со стороны наших подразделений и повлекло оставление ими занятых позиций. Высоту, правда на следующие же сутки отбили у немцев обратно.

Но военному следователю в погоне за танковой ротой пришлось на попутном автомобиле с ранеными выдвигаться в тыл. Он наконец-таки разыскал эту танковую роту в 20-ти километрах в тылу, возле деревни Земки во время дозаправки её топливом. По окончании всех следственных действий материалы уголовного дела через военного прокурора армии были направлены командующему армией для получения его согласия на придание указанного командира роты суду военного трибунала. Таковое было получено, и командир роты был осужден.

А вот пример несколько иного рода. В июле 1942 года командир одного из батальонов, проявив растерянность, самовольно оставил занимаемый батальоном рубеж по берегу реки, чем не замедлил воспользоваться противник и занял этот участок. При этом были брошены два станковых пулемёта и орудие, которые достались немцам совершенно целыми. Подчинённый мне военный следователь немедленно возбудил уголовное дело, но с расследованием не торопился и закончил его через 4 суток. Между тем, командир батальона, исправляя по заданию командования бригады свой проступок, на следующую же ночь, просочившись с частью батальона в тыл противника, и пользуясь поддержкой соседей на флангах быстрым броском в лоб и стыла окружил и полностью уничтожил группировку противника. При этом он захватил много трофеев, в том числе вооружение и восстановил первоначальное положение.

Военный следователь всё же представил мне уголовное дело на утверждение, чем вызвал неудовольствие со стороны командования бригады. Уголовное дело было производством прекращено. При этом я, как военный прокурор, осуществлял надзор за следствием по делам, расследуемым не только военными следователями, но также и следственным аппаратом военной контрразведки, а также за производством дознаний.

Исключительное значение имела во время войны также и правовая пропаганда.

В сентябре 1942 года бригада, выбив противника с занимаемой им высоты, закрепились, и двумя стрелковыми батальонами, при поддержке артиллерийского дивизиона, вела упорные бои с противником, пытавшемся вновь овладеть высотой. Третий батальон находился в резерве и был расположен в бригадных тылах в населённом пункте. В разгар упорных боёв в одном из действовавших батальонов возникли случаи членовредительства. Один из членовредителей в тот же день был осужден и расстрелян перед строем на переднем крае. В другом батальоне при

попытке двух красноармейцев перейти к противнику, они были расстреляны из пулемёта командиром пулемётного расчёта. В резервном же батальоне появились случаи самовольных отлучек и бесчинств по отношению к местному населению.

В связи с этим мною совместно с начальником политотдела был составлен план совместной работы. В батальоне, где были замечены случаи членовредительства намечено было разъяснить личному составу приговор военного трибунала на осужденного членовредителя и провести с личным составом беседу на тему «Членовредитель – трус и предатель Родины». В другом батальоне, где была пресечена попытка перехода на сторону противника двух солдат – на тему «Измена Родине – тягчайшее преступление перед советским народом», а также разъяснение приговора военного трибунала в отношении членовредителя. В резервном батальоне тема беседы с личным составом была иной: «Моральный облик советского воина». В артиллерийском дивизионе, в связи со случаем небрежного отношения к технике и поломкой двух оптических приборов, было намечено проведение беседы с личным составом на тему: «Беречь боевую технику – священный долг советского воина».

В течение трёх дней во всех подразделениях этих батальонов было произведено значительное количество бесед с личным составом. Я сам – проводил беседу в батальоне, в котором имела места попытка измены Родине. В результате этой работы, в бригаде длительное время подобного рода преступления и покушения на них уже не наблюдались.

Мне приходилось встречаться по работе с военными прокурорами и следователями соседних бригад, дивизий и корпусов Западного фронта. В любой, иногда действительно сложной боевой обстановке, под огнём противника, они успешно расследовали то или иное преступление, проявляя при этом замечательную оперативность и находчивость, храбрость и хладнокровие, хорошее знание своего дела, умение примениться к обстановке и быстро принять верное решение.

Военным следователям и прокурорам приходилось вести расследование непосредственно на переднем крае, производить осмотры в нейтральных зонах, между нашими позициями и позициями немцев, преодолевать всевозможные переправы и иные препятствия.

Порой им приходилось прерывать производство следственных действий и вступать в бой, действуя непосредственно оружием: отражать контратаки врага, или самим подниматься в атаку вместе с бойцами. Не были единичными случаи, когда военные прокуроры и следователи во время выполнения своих служебных обязанностей на переднем крае были вынуждены принимать на себя командование подразделениями в связи с выбыванием из строя командиров, организовывать солдат на отпор врагу или поднимать бойцов в контратаку.

В первые, самые трудные месяцы войны им доводилось возглавлять организованный выход частей с боями из окружения и здесь же вести следствие в отношении трусов, паникёров и изменников Родины. За время Великой Отечественной войны военная прокуратура потеряла немало военных прокуроров

и следователей, которые являлись замечательными работниками и храбрыми офицерами, отдавшими свои жизни ради победы над врагом.

Многие пропали без вести и были учтены таковыми потому, что никто не видел их убитыми или ранеными. Но обстановка первых месяцев войны у меня лично не оставляла сомнений, что в живых они остаться в том пекле не могли. Однако в результате их родные не смогли получать пенсию по потере кормильца.

Один за другим в ноябре 1941 года и в марте 1942 года пропадали без вести военные прокуроры военные юристы ГАРДАШКИН (*примечание Сидорика Д.В.: правильно фамилия звучит как «ГАРДАШНИК»*) и КЛЯУЗОВ. В ноябре и в декабре 1941 года в дни сражения за Москву пропали без вести военные прокуроры ЛИСИН и САФРО (*примечание Сидорика Д.В.: военпрокурор САФРО считался пропавшим без вести, жив, проживал по окончании войны в Иркутске. Под Москвой был пленён, бежал из плена в Швейцарию, прошёл спецпроверку НКВД, уволен из рядов РККА*). Числился пропавшим без вести с марта 1942 года также весь личный состав военной прокуратуры 338-й стрелковой дивизии: военный прокурор БОГДАНОВ, военный следователь СИДОРЧЕНКО и секретарь САРАЙКИН (*примечание Сидорика Д. В.: у военпрокурора БОГДАНОВА правильные инициалы не «В.Ф», а «Г.Ф» - Григорий Фёдорович. Пропал без вести в марте 1942 года на Западном фронте; военследователь СИДОРЧЕНКО. Правильные инициалы – «М.Г» - Михаил Григорьевич, пропал без вести в марте 1942 года на Западном фронте; относительно секретаря САРАЙКИНА всё указано верно*). В марте 1942 года в районе Юхнова погибли в полном составе 144-я и 329-я стрелковые дивизии Западного фронта. При этом пропали без вести военные следователи ВДОВИН и СВИРИДОВИЧ и секретарь военпрокуратуры ГУСЕВ (*примечание Сидорика Д. В.: военследователь ВП 144 СД ВДОВИН Аркадий Дмитриевич пропал без вести не в марте 1942 года, а 17 января 1942 года в районе Старой Рузы; военследователь ВП 329-й СД СВИРИДОВИЧ оказался жив, хотя и числился пропавшим без вести. На момент 17 ноября 1943 года служил в рядах РККА на 2-м Прибалтийском фронте; секретарь ВП 329-й СД ГУСЕВ 15 апреля 1942 года под Вязьмой попал в плен, в плену назвался «адвокатом по профессии», дальнейшая судьба не установлена*).

В январе 1941 года получил тяжёлые ранения и скончался помощник военного прокурора фронта военный юрист 1 ранга БАГАШЕВ.

Умирили наши коллеги не только от ран, но и от болезней. В июне 1942 года от тяжёлого воспаления лёгких умер в госпитале военный прокурор соседней со мной 17-й отдельной стрелковой бригады военный юрист 2 ранга БОРОЗЕНКОВ.

В последующие три долгих года войны я был военным прокурором 63-й стрелковой дивизии и 61-го стрелкового корпуса 43-й армии на Западном фронте. В конце войны меня назначили военным прокурором 70-й стрелковой дивизии 1-го Прибалтийского фронта, а затем – 3-го Белорусского фронта. С этой дивизией я участвовал в боях за Кёнигсберг и в освобождении Польши.

В ночь на 9 мая 1945 года мы услышали по радио сообщение о полной и безоговорочной капитуляции Германии. С друзьями и коллегами мы все вышли на улицу, где в это время уже шла стрельба в воздух из всех видов стрелкового

оружия: в светлое небо взмывали осветительные ракеты, воздух крестили трассеры. Мы также разрядили в воздух свои пистолеты. Так я встретил окончание войны».

Я прошу прощения у читателей за то, что решился вставить некоторые свои замечания относительно данных о людях, которые указывал в своём тексте автор. На тот момент, когда он писал свои воспоминания, информация, которую я указал в примечаниях, ещё известна не была по соображениям секретности. Сейчас она доступна на этом ресурсе.

Пишите, всем отвечу.

